
ТУРЕЦКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ 1877–1878 ГГ.: РАЗМЕЩЕНИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С НАСЕЛЕНИЕМ РОССИЙСКИХ ГУБЕРНИЙ

А.Л. Самович

Кафедра истории
Военный университет
ул. Садовая-Кудринская, 26/40, Москва, Россия, 123001

В статье рассматривается один из малоизученных сюжетов отечественной истории – пребывание на территории России турецких военнопленных Восточной (Русско-турецкой) войны 1877–1878 гг. Работа базируется на широкой источниковой базе, что позволило затронуть различный круг вопросов, связанных как с размещением и содержанием пленных турок, так и с отношением к ним жителей российских городов и местечек. В научный оборот введены ранее не опубликованные архивные документы и материалы.

Ключевые слова: военнопленные, репатриация, Российская Империя, российские губернии, Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Совершенно очевидно, что осуществить адекватное научное осмысление собственной истории невозможно без учета психологических и социокультурных факторов взаимодействия с чужими социумами. Кроме того, такой опыт имеет немаловажное значение для выстраивания нормальных отношений с государствами и народами, бывшими некогда военными противниками. В последнее время немало общих тем открывается в истории таких стран, как Россия и Турция. Примером может служить сюжет с пребыванием на российской земле значительного контингента турецких военнопленных Восточной (Русско-турецкой) войны 1877–1878 гг.

Согласно официальным источникам, число оказавшихся в русском плену солдат и офицеров Блистательной Порты превысило 113 тыс. По сведениям, представленным полевым штабом русской армии, только на Балканах было пленено до 90 тыс. чел. Из этого числа около 7 тыс. турок взято 4 июля 1877 г. в Никополе, почти столько же – 12 и 16 октября в боях за Горный Дубняк и Гелин, 44 тыс. – 28 ноября при сдаче Плевны, 26 тыс. – 28 декабря в районе Шипкинского перевала и еще до 6 тыс. – одновременно «в разных делах» (1). По решению российских властей до завершения войны большинство из них следовало удалить от театра военных действий и разместить в пределах Российской империи.

Местами содержания были избраны десятки провинциальных городов и местечек. При этом принимались во внимание инфраструктура российских регионов, их транспортные и экономические возможности, предполагаемые сферы приложения труда турок. Представление о численности военнопленных и географии их размещения в пределах семи военных округов дает нижеследующая таблица.

Таблица

**Численность турецких военнопленных
в России на момент подписания Берлинского
трактата (1 июля 1878 г.)**

Наименование военного округа	Количество военнопленных		
	Пашей	Офицеров	Нижних чинов
Петербургский	3	557	6510
Виленский	6	985	13 095
Киевский	—	98	3116
Одесский	2	25	2952
Харьковский	10	736	11 926
Московский	5	1395	23 388
Казанский	1	290	5553
Итого	27	4086	66 540

Источник: РГВИА. — Ф. 400. — Оп. 3. — Д. 2058. — Л. 137.

Следует отметить, что необходимость соблюдать правила и обычаи войны по отношению к захваченному в плен противнику заставляла победившую сторону выделять огромные силы и средства на содержание военнопленных. В этом отношении губернские власти делали все возможное для обеспечения должного приема и размещения турецких подданных.

В соответствии с разработанным в 1877 г. российской стороной «Временным положением о военнопленных» все расходы по препровождению, размещению и содержанию турок ложились на государственное казначейство.

Документ обязывал начальников воинских частей, при которых состояли пленные, принимать меры к тому, чтобы пища для турецких солдат состояла преимущественно из продуктов, употребляемых ими на родине. Отчасти это возможно было сделать при артельном устройстве питания пленных посредством замены одних продуктов другими. На практике такой способ продовольственного обеспечения приобретал характерные особенности. Например, в отчетах членов передвижной Комиссии о военнопленных были сделаны следующие обобщения. По Витебску: «Продовольствие турок удовлетворительное, хлеб и горячую пищу готовят сами. На продовольствие больных отпускается по фунту мяса и по одному фунту белого

хлеба; выздоравливающим же дается черный хлеб» (2). По Могилеву: «Продовольствие пленных очень удовлетворительно; они получают муку и сами готовят пресный хлеб, которым очень довольны. Горячая пища тоже готовится самими пленными и по своему выбору и вкусу. Об удовлетворительности продовольствия свидетельствует также здоровый и бодрый вид, который представляют военнопленные» (3). По Бобруйску: «Осмотренная нами пища оказалась хороша, за исключением хлеба, который выпечен из муки весьма дурного качества, хотя, по заявлению местного начальства, это был исключительный случай дурного хлеба, что, впрочем, подтверждается весьма здоровым и бодрым видом, который мы нашли у всех пленных» (4).

Кардинальным образом от вышеописанного отличалось довольствие турецких пашей, штаб- и обер-офицерских чинов. Ни вещевого, ни продовольственного пособия эта категория военнопленных не получала. Но при этом установленное для пашей денежное содержание было довольно высоким – приравнивалось к окладу жалованья российского генерал-майора (1017 руб. в год). Для штаб-офицеров и обер-офицеров оно было значительно меньшим и равнялось у первых содержанию российского майора (441 руб.), у вторых – прапорщика (276 руб.).

Отдельное внимание обращает на себя снабжение военнопленных вещевым имуществом. В районах действующих войск турецкие нижние чины получали лишь необходимые для сохранения жизни и здоровья предметы одежды. Вещи эти, после снятия всех знаков различий, выдавались туркам от умерших, убитых, бежавших, попавших в плен и без вести пропавших русских солдат, а также от не подающих надежды на выздоровление раненых. И тем не менее, это не могло сколько-нибудь существенно компенсировать потребность пленных в одежде. Их внешний вид оставлял желать лучшего. «Турки хотя были на вид свежи и бодр, но страшно обносились, в лохмотьях, без порядочной обуви и даже в лаптях», – сообщали по этому поводу «Минские губернские ведомости» в августе 1877 г. (5).

Согласно § 39 «Временного положения», военнопленные нижние чины могли быть привлечены на государственные, общественные и даже частные работы. При этом § 40 вносил важную оговорку, что виды труда не должны быть унижительны для воинского звания и общественного положения, занимаемого военнопленными на родине, а также иметь прямое отношение к военным действиям против Турции и ее союзников.

В целях исключения возможных злоупотреблений со стороны военных властей и работодателей в документе содержался строгий запрет на привлечение военнопленных к работам в интересах лиц, ответственных за их охрану и содержание. Часть заработка разрешалось выдавать туркам на руки. При возвращении из плена оставшиеся на хранении деньги могли быть выданы военнопленному за вычетом части, определенной на возмещение расходов по их содержанию.

Один из примеров трудового использования турок мы находим в сообщении корреспондента «Минских губернских ведомостей»: «Теперь многие из пленных работают на обеих железных дорогах, получая по 40 коп. в сутки; по отзыву управления железных дорог турки очень хорошие, усердные работники, дурных поступков за ними не замечено» (6).

В Смоленске турецкие военнопленные были привлечены к укладке железнодорожного полотна на Московско-Брестской железной дороге. В Рославле Смоленской губернии основная работа турок состояла в переноске различных тяжестей и дров в интересах местного населения. В Духовщине той же губернии они занимались уборкой сена, укладкой мостовых камнем и рытьем каналов. За свой труд в среднем они получали от 20 до 40 коп. в день в зависимости от сложности и продолжительности работ (7).

Важным направлением в деятельности военных и гражданских властей являлось недопущение среди военнопленных заболеваний сыпным и возвратным тифом.

Заболевшие турки, как офицеры, так и нижние чины, получали врачебную помощь на общих основаниях с российскими войсками и принимались на лечение в ближайшие военные или гражданские лечебные заведения.

Независимо от военных властей наблюдение за гигиеническим и санитарным состояниями в местах размещения турок возлагалось на губернскую администрацию в лице врачебного инспектора. В случае выявления каких-либо недостатков или невыполнения постановлений санитарной комиссии он обязан был немедленно сообщать об этом губернатору.

Как свидетельствуют архивные документы, систематическая профилактическая работа, строгий контроль за санитарным состоянием жилых помещений турецких военнопленных позволили избежать широкого распространения инфекционных заболеваний как среди самих турок, так и среди жителей российских губерний. В некоторых случаях удавалось существенно улучшить питание военнопленных, обеспечить их одеждой и обувью по сезону.

Важно отметить, что достаточно сложная ситуация с распространением тифа среди пленных турок не срывалась от местного населения. Данная проблема так или иначе отражалась на страницах официальных периодических изданий. Материалы публикаций, конечно же, проходили тщательную проверку и далеко не полностью отражали все происходившие в регионе события. Но даже в урезанном, старательно отредактированном виде они представляют определенную историческую ценность, в какой-то степени достоверно отражают конкретные факты из жизни турецких военнопленных и направленность проводимых властями предупредительных санитарно-эпидемических мероприятий.

Остановимся для примера на данных «Минских губернских ведомостей» за 1878 г.: «С августа месяца, с того времени, как стали к нам прибывать партия за партией пленные, между ними постоянно обнаруживали бо-

лезни и с августа по 8 число настоящего месяца февраля их перебивало в военном госпитале 474 чел., из них выздоровело 141, умерло 60, из болезней, как видно по официальным сведениям, наиболее являлись горячки, лихорадки, брюшной тиф, понос, острый катар дыхательных органов, воспаления легких и плевры, ревматизм, чесотка, обморожение, раненых же всего было 12 чел. Недавно прибыло еще 100 чел., и все они больные и потому находятся в госпитале или же при лазарете местного батальона» (8).

Большое влияние на отношение к военнопленным оказывало эмоциональное восприятие их местным населением. И здесь, безусловно, важное значение имели сложившиеся в сознании русских людей предубеждения. В течение многих лет османы были главными противниками России, и этого времени было более чем достаточно, чтобы о турках сформировался негативный стереотип. Как и все предрассудки, он состоял из полуправды, устаревших взглядов и фальсификаций. Немалую роль в этом играл отличный от европейской традиции внешний вид пленных. Однако по мере привыкания и узнавания друг друга отношения становились более ровными и стабильными.

Само появление в российских губерниях многочисленных партий безоружных вражеских воинов вызывало живой и неутрачивающий интерес обывателей, побуждая их находить приемлемые формы коммуникации с «чужеродцами». На это, в частности, указывают публикации тех лет и воспоминания участников рассматриваемых событий. Обратимся к некоторым из них. «Так, около Рождества, «пригнали» в Рыбинск пленных турок, – сообщает в своих мемуарах бывший рыбинский гимназист И. Порошин. – Помню, что их было что-то очень много, вероятно, несколько сот. Горожане смотрели на турок, как на диковинных зверей, и собирались целыми толпами, когда пленников вели из казарм по улицам в баню или на прогулку. Все это был здоровый и рослый народ, с смуглыми и даже совсем темными лицами и черными большими глазами, глядевшими не то испуганно, не то добродушно. Плохо одетые, в жалких лохмотьях, коченея от непривычного холода, пленные турки к великому нашему изумлению оказывались совершенно непохожими на тех «диких зверей», какими рисовало их под влиянием рассказов и слухов детское воображение, и своим убогим внешним видом возбуждали невольное сострадание. Городское население отнеслось к этим «врагам отечества» довольно «жалостливо», и турки не могли пожаловаться на плохой прием в неприятельской стране» (9).

По словам Порошина, его отец случайно познакомился и пригласил к себе в дом молодого турецкого офицера. Как выяснилось, пленник имел хорошее европейское образование и говорил по-французски. Вскоре он стал желанным гостем в семье и, отдавая должное гостеприимству хозяев, занимался с их сыном уроками турецкого языка.

В результате непосредственного общения военнопленных и местных жителей многие предрассудки, пришедшие из XVIII в., впоследствии смягчились или исчезли вовсе. Это достаточно хорошо иллюстрируют строки из труда «Восточная война и Брюссельская конференция 1874–1878 гг.» известного российского правоведа Ф. Мартенса: «Жители некоторых городов гордились поселенными у них пленными и ухаживали за ними, как за дорогими гостями; бывали даже случаи встречи пленных с букетами на станциях железных дорог. От нашего плена турки обыкновенно не бежали... Торговцы и торговки дарили их вещами, а наш «серый» народ находил особенное удовольствие угощать «турку» и попить с ним по-братски чайку... Пленные мало по малу перестали быть героями дня и сделались гостями, имеющими право на снисхождение и уважение настолько, насколько они окажутся достойными того и другого» (10). Эти наблюдения подкрепляют следующие строки бобруйского корреспондента «Минских губернских ведомостей»: «Солдаты здешнего крепостного гарнизона стали дружелюбно относиться к пленным туркам, чего прежде не было. Не понимая друг друга, наши добрые солдатики объясняются с турками особыми жестами и единственным, подслушанным у пленных словом, – якши (хорошо). Добр, прямодушен и не злоблив русский человек!» (11).

Приведенные цитаты служат наглядным примером снисходительного и добродушного отношения местного населения к военнопленным. Интерес и простое любопытство обывателей к внезапно нахлынувшему представителям далекой для них восточной страны, опыт совместного сосуществования в конечном итоге побеждали вековые представления о «страшных османах». Более того, судя по архивным документам, турецкие военнопленные ощущали себя настолько свободно, что некоторые из них позволяли себе не просто праздно «шататься по городу», но и «заходить в частные дома» (12).

Проявление разных форм сочувствия и ослабленный контроль над турками то и дело встречались в повседневной жизни российских городов и местечек. В 1878 г. в докладах местных чиновников сообщалось, что в Минске пленные турки появляются без конвоя, «бродяжничают и собирают милостыню» (13). Один из них осмелился появиться даже в Доме губернского предводителя дворянства. Сказанное вполне можно отнести и к ситуации с военнопленными в других городах, о чем красноречиво свидетельствует обращение Гродненского губернатора в адрес губернского воинского начальника от 19 февраля 1878 г.: «До сведения моего дошло, что военнопленные турки, находящиеся в Гродно, свободно ходят по городу целыми толпами в дома обывателей и просят милостыни» (14).

Наглядным примером того, что время освоения военнопленными нового для них пространства и установления первых межличностных отношений заняло довольно малый срок, являются следующие строки «Саратовских гу-

бернских ведомостей»: «Наши пленные гости – османы – прижились к нам как нельзя лучше; они ведут себя безукоризненно. Помнится нам, что сначала турки вовсе не хотели работать; теперь же на всех работах можно встретить последователей Магомета; они даже мостят улицы. Турецкие офицеры, прежде нигде не показывавшиеся, ныне стали появляться везде... И на улице, и на бульваре, и в вокзале – везде вы встретите представителей Блистательной Порты. Они даже вхожи в некоторые дома» (15).

Заключение мира с Турцией возродило надежды военнопленных на скорое освобождение и возвращение домой. Между тем ожидание репатриации проходило без каких-либо осложнений и происшествий: здоровые турки продолжали трудиться, больные – пользоваться услугами фельдшеров; властями составлялись списки военнопленных, намечались маршруты предстоящего перемещения, готовился соответствующий транспорт; военнопленным выдавали одежду и обувь, их охраняли согласно ранее принятым инструкциям. По сообщению одной из минских газет, «весть о заключении мира очень обрадовала турок, они ожили духом, даже и больные как бы ободрились» «Кому не желается на родину, – восклицал автор данной заметки. – Пленные турки вероятно скоро оставят Минск, где, впрочем, должно сказать правду, жили они тихо, смиренно, безукоризненно» (16).

В июле 1878 г. телеграммой губернаторам был доведен разработанный военным ведомством «Порядок перевозки военнопленных», который представлял собой подробную инструкцию по организации передвижения, сопровождения и снабжения репатрируемых турок. Как свидетельствуют документы, выработанные российскими властями организационные формы сбора и перевозок военнопленных полностью себя оправдали: им была оказана необходимая медицинская помощь, обеспечено санитарное благополучие и профилактика распространения инфекционных заболеваний.

Перед возвращением на родину некоторые из турецких военнопленных изъявили желание остаться в России навсегда, приняв российское подданство, а некоторые и православие. В таком деликатном вопросе в Санкт-Петербурге заняли осторожную, но вместе с тем прагматичную позицию. Выработанный порядок действий губернских администраций был изложен в циркуляре Департамента полиции МВД от 4 ноября 1878 г. В нем товарищ (заместитель. – А.С.) министра внутренних дел статс-секретарь Маков сообщал, что «такого рода пленные, в устранение нареканий в насильственном задержании их в России, отправляются вместе с другими пленными в Севастополь с тем, чтобы они там лично заявляли турецкому комиссару, назначенному от турецкого правительства для приема пленных, о своем желании; о чем на месте составляются формальные акты. По исполнении сего пленным, окончательно решившимся остаться в России, предоставляется с высочайшего соизволения, отправ-

ляться в избранные ими места жительства по железным дорогам на счет сумм Военного министерства, при чем от них отбирается подписка, что они не будут обременять русское правительство просьбами о пособиях» (17).

Отвечая на вопрос Военного министерства, должны ли такие военнопленные в дальнейшем передаваться в распоряжение гражданских властей, МВД сообщило, что «при водворении военнопленных в избранном ими месте жительства представляется положительно необходимым передавать их в распоряжение местного гражданского начальства как для снабжения их русскими видами на жительство, так и для наблюдения за тем, чтобы они в определенный законом срок приняли присягу на подданство и приписались к одному из податных сословий» (18).

Судя по сохранившимся архивным документам, первый корабль с прибывшими в Севастополь репатриантами отправился в Турцию 14 августа 1878 г. Вскоре согласно ведомости передачи военнопленных военный порт принял еще 1920 турок, в частности, следовавшую из Минска партию штаб-капитана Синеокова численностью 956 чел. (4 штаб-офицера, 56 обер-офицеров, 896 нижних чинов) и следовавшую из Гомеля, Минска и других городов сводную партию общим числом в 964 чел. (3 штаб-офицера, 51 обер-офицера, 907 нижних чинов, 2 женщины и 1 ребенок). В начале августа из Витебска в Севастополь прибыли высокопоставленные турецкие пленники Рашид Паша и Рафат Бей. Постепенно все пожелавшие вернуться на родину турки покинули пределы России.

Как видим, при всех недостатках, являвшихся неизбежным следствием издержек военного времени, представители местной власти и общества на всем протяжении пребывания у нас турецких подданных стояли на высоте своего положения, делали все от них зависящее, чтобы сберечь жизни и здоровье пленников и тем самым на практике реализовать основные принципы зарождающегося международного гуманитарного права. Непосредственно на восприятие пленных и соответствующее отношение к ним оказывали влияние многие составляющие. В большинстве своем они отражали довольно глубокие исторические корни, политическую, экономическую, социальную и психологическую атмосферу, сложившуюся вокруг оказавшихся в русском плену турецких воинов.

Историю пребывания на российской земле турецких военнопленных 1877–1878 гг. можно рассматривать и как яркий пример групповой и индивидуальной коммуникации между представителями разной социокультурной и языковой общности, имевшими свои этнические коды, религиозные отличия, конвенции поведения.

За относительно недолгий период нахождения у нас турок можно проследить всю гамму оттенков этой коммуникации: межкультурный контакт – межкультурное взаимодействие – инокультурное влияние – чу-

ждые заимствования. Тем не менее, на всем протяжении рассматриваемого периода жизнь турецких военнопленных находилась в поле зрения российского правительства, стремившегося придать отношениям с ними цивилизованный и подчеркнуто гуманный характер. И здесь нельзя не согласиться со словами все того же Ф. Мартенса: «Этот любопытный и небывалый результат военного плена может иметь весьма благотворные последствия в будущем. Во всяком случае, он неопровержимо доказывает, насколько прочнее завоевания, сделанные не столько силою оружия, сколько любовью к ближнему и уважением к праву» (19).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Военно-медицинский отчет за войну с Турцией 1877–1878 гг. – СПб., 1887. – Ч. 3: Отчет по оккупационному отряду. Отчет о военнопленных турках. – С. 320.
- (2) Рапорта членов передвижной Комиссии о турецких военнопленных. – М., 1878. – С. 25.
- (3) Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 400. – Оп. 3. – Д. 2047. – Л. 136.
- (4) РГВИА. – Ф. 970. – Оп. 1. – Д. 1322. – Л. 113.
- (5) Минская хроника. Часть неофициальная // Минские губернские ведомости. – 1877. – № 31. – С. 430.
- (6) Там же. – № 46. – С. 669.
- (7) Государственный архив Смоленской области (ГАСО). – Ф. 1. – Оп. 5. – Д. 44. – Л. 11.
- (8) Минская хроника. Часть неофициальная... – 1878. – № 7. – С. 101.
- (9) Порошин И.А. Четверть века назад (из гимназических воспоминаний). – СПб., 1905. – С. 39.
- (10) Мартенс Ф. Восточная война и Брюссельская конференция 1874–1878 гг. – СПб., 1879. – С. 555.
- (11) Минская хроника. Часть неофициальная... – 1878. – № 10. – С. 146.
- (12) Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) в Минске. – Ф. 299. – Оп. 3. – Д. 339. – Л. 3.
- (13) Там же. – Л. 22.
- (14) НИАБ в Гродно. – Ф. 1. – Оп. 7. – Д. 2178. – Л. 6.
- (15) Городская хроника. Часть неофициальная // Саратовские губернские ведомости. – 1878. – № 161. – С. 2.
- (16) Минская хроника. Часть неофициальная // Минские губернские ведомости. – 1878. – № 9. – С. 133.
- (17) НИАБ в Минске. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 36294. – Л. 22.
- (18) Там же. – Л. 22 об.
- (19) Мартенс Ф. Восточная война и Брюссельская конференция 1874–1878 гг. – СПб., 1879. – С. 557.

**TURKISH PRISONERS OF WAR OF 1877–1878 YEARS:
THE ACCOMMODATION, THE MAINTENANCE,
THE MUTUAL RELATIONS WITH THE POPULATION
OF RUSSIAN PROVINCES**

A.L. Samovich

Department of History
Military University
Sadovaya-Kudrinskaya Str., 26/40, Moscow, Russia, 123001

This article considers one of not enough known plots of domestic history of staying turkish prisoners of war at East (Russian–Turkish) war of 1877–1878 years. Material is based on wide known facts that have allowed touching various points of the questions related to arrangement, the content, so and the attitude to them of inhabitants of the Russian cities and places. Not published earlier archival documents and materials are inlet into a scientific work.

Key words: prisoners of war, repatriation, Russian Empire, Russian provinces, Russian-turkish war of 1877–1878 years.

СТАТЬЯ ОТОЗВАНА
RETRACTED